

На правах рукописи

Шатько Евгения Викторовна

**Художественная структура
романов М. Павича
(некоторые аспекты поэтики)**

Специальность 10.01.03 –
Литература народов стран зарубежья
(сербская литература)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2020

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном учреждении науки Институте славяноведения РАН в Отделе современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы

Научный руководитель:

доктор филологических наук **Старикова Надежда Николаевна**
(ФГБУН Институт славяноведения РАН, зав. Отделом современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы)

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук **Мальцев Леонид Алексеевич** (Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Балтийский федеральный университет имени И. Канта» (ФГБОУ ВО БФУ имени И.Канта), профессор Института гуманитарных наук);

кандидат филологических наук **Королькова Полина Владимировна** (Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (ФГБОУ ВО РГГУ), доцент кафедры славистики и центральноевропейских исследований Института филологии и истории).

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «**Санкт-Петербургский государственный университет** (ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет (СПб ГУ)).

Защита состоится «_____ **2021 г.** в 15 час. 00 мин. на заседании диссертационного совета Д 002.248.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора филологических наук при Институте славяноведения РАН по адресу: *119334, Москва, Ленинский проспект, д. 32а, корп. «В», 9-й этаж, ауд. 901–902.*

С диссертацией можно ознакомиться в диссертационном совете Института славяноведения РАН и на сайте ИСл РАН <http://www.inslav.ru>

Автореферат разослан «___» _____ 2021 г.

Размещен на сайте ИСл РАН: <http://www.inslav.ru> и ВАК при Минобрнауки России

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук

М.М. ВАЛЕНЦОВА

Подписано в печать 22.12.2020 г.
Объем: 1,1 п.л. Формат 60×90/16. Тираж 100 экз.

Художественная структура романов М. Павича (некоторые аспекты поэтики)

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Милорад Павич – самый известный сербский писатель современности. Слава «первого писателя XXI в.» пришла к нему после выхода в 1984 г. романа «Хазарский словарь», с этого произведения начался процесс восприятия и интерпретации творчества прозаика во всем мире, продолжающийся до сих пор. Стержнем творчества Павича является «связь времен», созданный им художественный мир основан на принципе соединения и взаимопроникновения локусов и хронотопов прошлого и настоящего. Художественный почерк Павича складывался под влиянием как общелитературных (распространение постмодернистских тенденций), так и личностных факторов – его научных интересов и пристрастий. Отсюда жанровый синкретизм его поэтики, соединение в ней исторического и параисторического с элементами национальной литературной традиции. Экспериментируя с формальной организацией текста, писатель широко использует приемы классической литературы: символику, риторические фигуры, энциклопедизм, присущие барокко, фольклорные мотивы, мистицизм, черты травелогов, заимствованные у романтизма. В ряде случаев постмодернистская ирония по отношению к литературным предшественникам уступает место оммажу – своеобразной присяге на верность традиции, таким образом Павич отдает дань уважения мировой словесности.

Картина мира в романах Павича нестабильна и изменчива, как и сама история, постоянно возвращающаяся к одним и тем же проблемам и событиям. Повторяющиеся темы, мотивы, фрагменты текста, герои и ситуации создают особый мир. Такие приемы, как фрагментация, коллаж и монтаж дают автору возможность показать неустойчивость и деформируемость мира на композиционном уровне. (Само)цитирование, парафраз, реинтерпретация, мистификация

создают иллюзию достоверности, на которой основывается отчасти знакомый читателю, но все же очевидно фантастический мир. «Фантастика Павича, находясь где-то между борхесовской фантастикой философско-метафизического типа и сатирическо-иронической фантастикой М.А. Булгакова, не является чистой и настоящей фантастикой, а скорее особым типом гротеска, из которого удалены элементы комического, замененные элементами абсурда»¹. Историзм Павича близок историзму Х.Л. Борхеса, однако последний опирается на вымышленные источники, тогда как М. Павич часто отталкивается от реальной биографии исторического лица или от исторического факта. П. Пиянович пишет: «Два мира – реальность и ее иллюзорное воплощение – у Павича слиты воедино достоверной литературной нитью. Эта связь закономерна и неразрывна. Реальный или истинный мир с существующими топонимами, людьми и историческими событиями часто является для Павича канвой. Нетрудно заметить, что у Павича практически нет рассказа без известного географического названия, исторического события, личности из нашего прошлого или какого-нибудь современника, наших святынь, культурно значимых зданий, важных дат и всего того, что становится и магической, и документальной основой его прозы»². Исторический дискурс, присутствующий в каждом крупном произведении Павича, становится почвой для создания особого авторского мира, расцвеченного волшебными деталями легенд, народных сказаний и мифов, мира, в котором сны важнее реальности, а образы и метафоры убедительнее логических выводов. Перевоссозданная, декорированная фантастическими элементами история становится параисторией, что дает свободу переосмысления известных фактов как самому автору, так и его

¹ *Делић Ј.* Хазарска призма: тумачење прозе Милорада Павића. Београд: Просвета, Досије; Титоград: Октоих; Горњи Милановац: Дејче новине, 1991. С. 217.

² *Пијановић П.* Милорад Павић у еволутивном луку српске прозе / Павићеви палимпсести; [Зборник радова] / Ур. С. Рогоић. Бајина Башта: Фондација Рачанске баштине, 2010. С. 95–96.

соавтору – читателю. На протяжении всего творческого пути авторское понимание истории расширилось. Если в «Хазарском словаре» Павич обращался к реальному историческому процессу (хроники, жития, исторические труды), а во «Внутренней стороне ветра» – еще и истории мировой литературы, то в «Другом теле» он приглашает читателя к интеллектуальному диалогу, оставляя собственно историческую канву будто вне поля своего пристального внимания. При этом приемы взаимодействия с чужими текстами и историческими данными в его романах остаются неизменными, выработанными еще в начале творческого пути писателя.

Предметом данного исследования является художественная структура романских текстов Милорада Павича, **объектом** и основным материалом – романы «Хазарский словарь», «Внутренняя сторона ветра» и «Другое тело», наиболее полно отражающие синкретизм художественной манеры сербского писателя: отличающиеся по тематике, проблематике и модусу подачи материала, они дают возможность комплексно рассмотреть составляющие художественной структуры павичевского романного наследия и выявить приемы, используемые для создания особой авторской картины мира.

Степень изученности вопроса. Большинство сербских литературоведов (Й. Деретич³, П. Пиянович⁴, Д. Бошкович и др.) видят в Павиче писателя-постмодерниста, в творчестве которого на место «социалистического утопического идеала» приходит «национальный и коллективный» (Бошкович)⁵. В западной литературоведческой традиции Павича воспринимают

³ *Деретић Ј.* Мистификације око Венцловића и старе поезије // Књижевна историја. 1972. Год. IV. Бр. 16. С. 705–722.

⁴ *Пијановић П.* Павић. Београд: Филип Вишњић, 1998.

⁵ *Бошкович Д.* Социјалистичка парадигма српске модернистичке и постмодернистичке литературе [Электронный ресурс]. URL: [https://www.rastko.rs/rastko/delo/13443] (Дата обращения: 21.01.2020).

исключительно как постмодернистского автора. Для российских исследователей также характерен такой ракурс. Этим объясняется включение писателя в ряд видных авторов-постмодернистов (например, в статье Л.Г. Андреева «Художественный синтез и постмодернизм» сербский прозаик соседствует с И. Кальвино и У. Эко)⁶. М.А. Слащева пишет о двойственности романов Павича, их фольклорно-мифологической основе и чертах постмодернистской поэтики⁷, полагая, что «постмодернистская формула “мир как текст” вполне соответствует прозе Павича»⁸. И.А. Демину привлекли в романе-лексиконе черты средневековой византийской литературы, которые она рассматривает как с точки зрения содержания (отсылки к конкретным авторитетным источникам, использование христианских притч и т.п.), так и через призму формальной организации текста (композиционные приемы, лексика)⁹. М.С. Леншина в статье «Хазарский словарь в ящике для письменных принадлежностей»¹⁰ (2011) на примере двух произведений Павича исследует гипертекст в современной литературе.

⁶ Андреев Л.Г. Художественный синтез и постмодернизм // Вопросы литературы. 2001. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2001/1/andr.html> (Дата обращения: 21.01.2020).

⁷ Слащева М.А. Миф в постмодернистской прозе Милорада Павича // Постмодернизм в славянских литературах. М.: Институт славяноведения РАН, 2004. С. 100–112.

⁸ Слащева М.А. Мифологическая модель мира в постмодернистской прозе М. Павича // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1997. № 3. С. 43–53. С. 26.

⁹ Демина И.А. Византийская концепция знака в романе Милорада Павича «Хазарский словарь» // Вестник Самарского государственного университета. 2007. № 5/2 (55). С. 39–44.

¹⁰ Леншина М. Хазарский словарь в ящике для письменных принадлежностей. [Электронный ресурс]. URL: <http://alatamar.blogspot.com/2011/11/blog-post.html?m=0> (Дата обращения: 20.05.2019).

Альтернативой постмодернистского подхода к творчеству Павича является концепция «критической литературы»¹¹ П. Палавестры, к которой литературовед относит ряд современных сербских авторов, использующих инструментарий постмодернизма, но не порвавших с литературной традицией. Согласно Палавестре, это самобытная, реализованная в художественных текстах форма культуры, на идейном и тематическом уровне воплощающая острое отрицание идеологии. Формирование и развитие этого направления основано на сопротивлении эстетическому и идеологическому догматизму, утверждению стилистического плюрализма. Изменяется само понимание реализма: оно становится шире и богаче, включает в себя микро- и макрокосм человека, а не только миметическое отражение реальности. Этот обновленный реализм был обогащен элементами фантастики и, по мнению Палавестры, связан с традицией «магического реализма». В творчестве Павича, «шагнувшего из сербской литературы на мировую литературную сцену как своего рода квинтэссенция постмодернизма, в котором все возможно и все смешалось, все иначе, чем в реальном мире, с которым такая литература взаимодействует через деконструкцию («Хазарский словарь»)¹², сербский критик увидел связь с крупнейшими реалистами современности. Художественные принципы постмодернизма стали для Павича одним из способов преодоления стандартов и запретов литературы соцреализма. При этом его вклад в национальную и мировую литературу бесспорен: Павич дал импульс развитию новых структурно-композиционных и нарративных возможностей литературного текста. В данном диссертационном исследовании точка зрения Палавестры является для автора работы основополагающей.

¹¹ Термин П. Палавестры, см. *Palavestra P. Osam vekova srpske književnosti*. [Электронный ресурс]. URL: [https://www.rastko.rs/knjizevnost/nauka_knjiz/palavestra-osamvekova.html] (Дата обращения: 21.01.2020).

¹² *Palavestra P. Osam vekova srpske književnosti*. [Электронный ресурс]. URL: [https://www.rastko.rs/knjizevnost/nauka_knjiz/palavestra-osamvekova.html] (Дата обращения: 21.01.2020).

Актуальность и научная новизна работы определяется необходимостью восполнить существенный пробел в отечественных исследованиях творчества крупнейшего всемирно известного сербского автора второй половины XX в. Ни в отечественном, ни в зарубежном литературоведении до сих пор нет ни одного системного монографического исследования поэтики Павича. Изучение особенностей поэтики его романов позволит расширить и углубить понимание явлений и процессов, определивших развитие сербской литературы и других современных европейских литератур. Предложенный ракурс исследования позволяет отказаться от устоявшегося видения Павича как исключительно постмодернистского автора и обратить более пристальное внимание на связь его художественного почерка с традициями классической литературы, а также выделить константы, присущие художественной структуре его романов.

Целью исследования является изучение характерных элементов художественной структуры указанных романов. Поставленной цели соответствуют следующие **задачи**:

- анализ композиционного построения и пространственно-временной организации текстов;
- определение специфики исторического дискурса;
- выявление и систематизация устойчивых мотивов;
- установление парадигмы нарративной стратегии.

Методологической основой работы послужили труды, посвященные особенностям теоретической и исторической поэтики (С.С. Аверинцев, М.М. Бахтин, С.Н. Бройтман, А.Н. Веселовский, Ю.М. Лотман, Е.М. Мелетинский, Н.Д. Тмарченко, Б.В. Томашевский) и эстетики постмодернизма (И.П. Ильин, Ж.-Ф. Лиотар, Ж. Делез, У. Эко), а также исследования творческого метода Павича (П.М. Рудяков, С.Н. Мещеряков, С. Дамьянов, Я. Михайлович, Е. Маричевич, П. Палавистра). В диссертации используются методы историко-литературной, герменевтической и текстологической интерпретации литературного произведения.

Положения, выносимые на защиту:

1. Несмотря на синкретичность павичевской художественной манеры, рассматриваемые романы сохраняют устойчивые элементы поэтики как на содержательном (проблематика, понимание истории, мотивика), так и на формальном (архитектоника текста, нарративная стратегия, гипертекстуальность) уровне.

2. Важнейшей опорой для поэтики Павича является национальная литературная традиция.

3. Основопологающей для нарративной стратегии Павича служит установка на мультипрочтение, возможность вариативности трактовки и соинтерпретации изображаемого.

Теоретическая значимость исследования соотносится с решением поставленных задач и связана с выявлением особенностей павичевской романной структуры в контексте развития сербской литературы второй половины XX – начала XXI в.

Практическая значимость работы определяется возможностью использования представленных материалов и выводов при подготовке общих и специальных курсов по истории зарубежных (славянских) литератур XX в., в рамках проведения семинарских и практических занятий, при создании учебных пособий по истории сербской литературы. Отдельные аспекты могут представлять интерес для исследователей, занимающихся разработкой теории жанров.

Апробация работы. Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на заседании Отдела современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН. Материалы и положения диссертационного исследования были представлены в виде докладов на следующих конференциях: XLIII международная филологическая научная конференция, СПбГУ, 11–15 марта 2014 г., доклад «“Другое тело” М. Павича»; научный симпозиум «Летающие скрипки Милорада Павича», Нови Сад, 29 ноября 2014 г., доклад «Исторические декорации в романе М.Павича “Внутренняя сторона ветра”»; XLV международная

филологическая научная конференция (СПбГУ, 14–21 марта 2016 г.), доклад «Византия на страницах романа М. Павича “Хазарский словарь”»; Первые Хоревские чтения «Преемственность как фактор литературного процесса. Опыт Центральной и Юго-Восточной Европы» ИСл РАН, 20–21 октября 2015 г., доклад «“Следы” национальной традиции в прозе М. Павича (на примере романов «Внутренняя сторона ветра» и «Другое тело»); Третьи Хоревские чтения «Литература в социокультурном пространстве современной Центральной и Юго-Восточной Европы: аксиологический дискурс», 20–21 ноября 2019 г., доклад «М. Павич: от любви до ненависти (литературная репутация)».

Структура исследования определяется поставленными в нем задачами: работа состоит из введения, 4 глав, заключения и библиографии. Первая глава посвящена анализу актуальных исследований творчества М. Павича. Вторая, третья и четвертая – анализу одного из трех выбранных романов. В каждой из глав представлены результаты исследования следующих параметров: архитектоники текста, нарративной стратегии, исторического дискурса и системы устойчивых мотивов, что позволяет составить комплексную картину особенностей художественной структуры романов Павича и выделить устойчивые компоненты его поэтики. Порядок подразделов внутри каждой главы продиктован особенностями структуры анализируемого художественного произведения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** предлагается обзор творчества писателя, обосновывается выбор темы диссертации, ее актуальность и новизна, аргументируется принцип выбора произведений, представлен круг целей и задач, сформулированы положения, выносимые на защиту, теоретическая и практическая значимость исследования, методологическая основа и структура работы.

В **первой главе «Творчество М. Павича как объект изучения»** представлена история восприятия романов, в первую очередь романа «Хазарский словарь», в *Сербии (первый*

параграф) и за ее пределами (второй параграф), особое внимание уделено рецепции творчества писателя в России и Украине (третий параграф).

Творчество М. Павича стало объектом пристального внимания читателей и критики Европы на рубеже 1980–1990-х гг. после публикации на родине романа «Хазарский словарь» и его переводов на ведущие европейские языки (английский, немецкий, французский, испанский и португальский и др.). Большинство исследователей, как сербских, так и западноевропейских, отмечало новаторский подход к организации текста, его постмодернистскую игру с читателем, специфический тип героя¹³. В 1990-е гг. интерес к творчеству Павича спал, а в ряде стран (прежде всего в Германии) угас навсегда. При этом в России и Украине в 1990-е гг. переводы «Хазарского словаря» становятся хитом, появляются популярные статьи и литературоведческие исследования о нем¹⁴. Во второй половине 1990-х и начале 2000-х гг. в обеих странах издаются переводы практически всех новых произведений Павича, однако критика по-прежнему обращается к анализу именно дебютного романа, реже к «Пейзажу, нарисованному чаем» и «Внутренней стороне ветра». Литературоведы в этот период все чаще анализируют устойчивые мотивы в творчестве сербского писателя и взаимосвязи с национальной и мировой культурой¹⁵. После

¹³ См. например *Jerkov A. Nova tekstualnost: ogledi o srpskoj prozi postmodernog doba*. Podgorica: Oktoih; Nikšić: Unireks; Trebinje: Svjetlost, 1992.; *Pavić i postmoderna // Zbornik izlaganja sa Devetih književnih susreta "Savremena srpska proza"*, 6. –7. novembar 1992. Trstenik. Ured. V. Vukašinović. Trstenik: Narodni univerzitet; Beograd: Sfairos, 1994.

¹⁴ Так, например, украинский литературовед П. Рудяков в монографии «История как роман» посвящает целую главу «Хазарскому словарю».

¹⁵ Например, в октябрьском номере «Летописа матице српске» 2006 г. (книга 478) около половины материалов посвящены восприятию творчества М. Павича в мире. См. также статьи *Слащева М.А.* Мифологическая модель мира в

смерти Павича в Сербии наблюдается новая волна интереса к его наследию: выходят посвященные ему монографии¹⁶, сборники статей¹⁷, отдельные исследования¹⁸, проводятся конференции¹⁹. В России и Украине также продолжают появляться отдельные работы²⁰.

постмодернистской прозе М. Павича // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1997. № 3. С. 43–53; *Адамович М.* Внутренняя сторона ветра. Проблема времени и вечности в прозе Милорада Павича // Вопросы литературы. 2003. № 6 [Электронный ресурс]. URL: <http://pavich.h16.ru/adamovich.html>. (Дата обращения: 20.05.2019); *Радуловић О.* «Хазарски речник» у контексту српске средњовековне књижевности // Књижевност и језик. 2006. Год. 53. Бр. 3/4. С. 279–289; *Дамјанов С.* Како би Венцловић читао Павића? // *Дамјанов С.* Апокрифна историја српске (пост)модерне. Београд: Службени гласник, 2008. С. 31–33.

¹⁶ *Олах К.* Књига-Бог. Београд: Институт за књижевност и уметност, 2012. С. 298.

¹⁷ Павићеви палимпсести; [Зборник радова] / Ур. С. Роговић. Бајина Башта: Фондација Рачанске баштине, 2010.; Летеће виолине Милорада Павића. Зборник радова поводом тридесет година од штампања романа Хазарски речник Милорада Павића / Ур. Ј. Марићевић. Нови Сад: Универзитет у Новом Саду, Филолошки факултет, 2015.

¹⁸ В октябру 2014 г. прошли «Дни Рачи у Дрины», частью которых стал круглый стол «Палимпсесты Павича».

¹⁹ В ноябре 2014 г. в университете Нови-Сада прошла конференция «Летающие скрипки Милорада Павича».

²⁰ Так, например, украинский литературовед А. Татаренко в период с 2002 г. по настоящее время публикует около 10 статей, посвященных устойчивым мотивам и чертам постмодернизма в творчестве Павича; в России выходят статьи Пановой Б.А. «Значение формы в романе Милорада

К настоящему времени роман «Хазарский словарь» пережил 31 переиздание на русском, по 5 переизданий на китайском и болгарском языках, 4 – на турецком, 3 – на украинском, по 2 – на грузинском, азербайджанском, японском, македонском, румынском и греческом, был переведен на армянский, корейский, вьетнамский и индонезийский. На сайте <https://www.khazars.com>, посвященном Павичу, публикуются статьи о его творчестве (или их выходные данные), с выходом каждого нового перевода растет число стран, где его творчество становится объектом исследования.

Во второй главе «Роман “Хазарский словарь”», состоящей из четырех параграфов и выводов, приводится подробный анализ структуры повествования с точки зрения композиции, исторического дискурса, системы мотивов, нарративной стратегии. Первый параграф «*Архитектоника текста*» знакомит с принципом компоновки романа-лексикона, его композиционной нелинейностью и фрагментарностью. Роман организован как специфическая энциклопедия, состоящая из трех книг. Реальные и вымышленные данные о хазарах поданы в виде статей, расположенных в алфавитном порядке. В первой, «Красной книге» приведены данные из христианских, во второй, «Зеленой» – исламских и в третьей, «Желтой книге» – еврейских источников. Они представляют собой три взаимосвязанные мини-энциклопедии. Во втором параграфе «*Специфика исторического дискурса*» рассматриваются пространственно-временная организация произведения, исторический контекст, связанный с хазарским народом, подробно анализируются образы участников хазарской полемики (Кирилла, Фараби ибн Коры, Исаака Сангари и кагана), фиксируется роль фантастических элементов, участвующих в создании исторического дискурса. В подпараграфе 2.1. «*Пространственно-временная организация романа*» рассматривается взаимодействие трех временных пластов (VII–XII вв. – период существования хазарского народа;

Павича “Внутренняя сторона ветра”) (2012) и Потапчук Е.Ю. «Мотив сна в романе М. Павича “Хазарский словарь”» (2017).

XVII в. – время первого издания «Хазарского словаря»; XX в. – возобновление интереса к хазарскому вопросу и создание второй версии «Хазарского словаря»). Каждому из этих пластов соответствует то или иное пространство: первому – столица хазарского каганата Итиль и прежде всего двор кагана, второму – места боевых действий во время австро-турецких войн, третьему – Стамбул, называемый в романе Царьград вне зависимости от описываемого времени. Множество упоминаемых дат или географических точек относится в подавляющем большинстве к ретроспективным вставным элементам (биография персонажа, история народа или, например, судьба путевых заметок, переходящих от владельца к владельцу), тогда как ключевые эпизоды лишены каких-либо деталей, указывающих на время или место. В подпараграфе 2.2 «*Хазары: историческая проблематика*» рассматривается соотношение исторических фактов и параисторических наслоений. В общепризнанной истории хазар нет ни слова о хазарской полемике в том виде, в котором она представлена Павичем. Спор византийских миссионеров с представителями двух других религий при дворе кагана очевидно был, так как в стране жили и иудеи, и мусульмане, однако нет никаких данных о том, что полемика была спровоцирована самим правителем хазар, как это изображено в романе. Сведений, опровергающих это, тоже нет. Павич исходит из того, что дискуссия, благодаря которой произошел переход от языческой веры к одной из монотеистических, в принципе имела место. При этом он не соблюдает те временные рамки, которыми располагает историческая наука. События, происходившие на протяжении более чем века, сжаты в романе до одного дня, в течение которого идет хазарская полемика. Писатель педантичен в изложении достоверных фактов – он приводит точные даты, цитаты из различных письменных источников, не искажает исторические события, но выражает свое видение истории, приглушая очевидное, высвечивая малоизвестное. Так он создает новые, насыщенные и неожиданные образы. В подпараграфе 2.3. рассматриваются образы участников хазарской полемики на примере анализа словарных статей «Кирилл (Константин Солунский)» в «Красной книге», «Фараби ибн Кора» в «Зеленой книге» и «Исаак Сангари» в «Желтой

книге». В отличие от статей, посвященных, например, хазарам, кагану или самой хазарской полемике, статьи об участниках религиозного спора не дублируются в других «книгах». Жизнеописания каждого из участников хазарской полемики построены по единому художественному принципу: все, что исторически достоверно, написано языком справочных изданий, а все, что автор «надстраивает» над общеизвестными фактами, излагается типичным для Павича витиеватым барочным стилем – с обилием метафор, развернутых сравнений, употреблением архаичных слов, с недосказанностями, которые должны заставить читателя задуматься. Павич не дает портретов участников полемики, не описывает подробно их жизненные пути. При создании их образов он делает акцент на определенных эпизодах: обучение Кирилла (роль его наставника Фотия), поиск ибн Корой своей записанной судьбы, спасение Сангари от пиратов, хазарская полемика. Не отступая от исторических фактов, писатель рассматривает их под своим, субъективным углом зрения. В персональных статьях герои полемики представлены как незаурядные мыслители, не ограниченные рамками религиозного диспута. В статьях, посвященных непосредственно полемике, эти же образы становятся менее яркими, лишаются личностных черт, на первый план выдвигается диалог ораторов, отстаивающих преимущества своего вероисповедания.

Подпараграф 2.4 «*Фантастика как компонент истории*» посвящен роли фантастических элементов в романе. По мнению С. Дамьянова, в «Хазарском словаре» имеет место т.н. «постмодернизация фантастики»: автор играет с фактами, историческими и аисторическими образами, причинно-следственными связями, что делает привычный мимесис нерелевантным. Литературное произведение создает новый мир, новую истину, стирая границы между реальным и нереальным, вероятным и невероятным. В романе нет четкой границы между поэтическим, аллегорическим и фантастическим, что позволяет фантастическим элементам распространиться на цитаты и документы, но нехарактерно для фантастического дискурса как такового. Так, например, онирическая фантастика в романе в первую очередь создает поэтическую, символическую картину мира хазар, для которых эзотерическая парадигма важнее

логики-рациональной²¹. Следовательно, сюжет о хазарах можно воспринимать в координатах жанра фэнтези, в нем действуют гипотетические законы, воспринимаемые как данность.

В третьем параграфе *«Мотивы как элементы художественной структуры»* выделяются и исследуются наиболее характерные как для данного романа, так и для всего творчества М. Павича мотивы – сна (подпараграф 3.1), двойничества и реинкарнации (подпараграф 3.2.). Писатель стремится понять природу сновидений: во сне человек способен свободно мыслить, он ближе к высшему, божественному знанию, сон дает сновидцу иной способ зрения, книги во многом тождественны снам и т. д. По мнению М. Адамович, «возникает трактовка литературы как области проявленной вечности»²², то есть секту ловцов снов можно рассматривать как своего рода метафору писательского труда. Ловец снов способен путешествовать по чужим снам в поисках ответов на волнующие его вопросы, в поисках духовных идей, просветления. Двойники, принадлежащие разным эпохам, так или иначе связаны с хазарским вопросом. Мотив реинкарнации в «Хазарском словаре» является ключевым, так как пронизывает и соединяет три эпохи: средневековье, XVII и XX вв.; он обеспечивает циклическую повторяемость событий, отражает неизменность человеческой природы. В контексте этого романа мотив реинкарнации выходит за рамки сугубо фантастического элемента: он позволяет рассматривать определенные явления и процессы в их непрерывности. Четвертый параграф *«Принцип мультипрочтения как элемент авторской нарративной стратегии»* раскрывает один из ключевых компонентов поэтики Павича. Роман состоит из трех книг, воплощающих три взгляда

²¹ Damjanov S. Postmodernizacija fantastike kod Pavića. [Электронный ресурс]. URL:https://www.rastko.rs/knjizevnost/pavic/knjiz_portret/09_pk_p_damjanov.html.

²² Адамович М. Внутренняя сторона ветра. Проблема времени и вечности в прозе Милорада Павича // Вопросы литературы. 2003. № 6 [Электронный ресурс]. URL: <http://pavich.h16.ru/adamovich.html>.

на хазарский народ. Ни один из них нельзя принимать как верный, только в сопоставлении разных источников можно найти крупинцы истины. Рассматривая то, как в романе представлены мировые религии, К. Олах отмечает, что «вера в “Словаре” в отношении трех религий присутствует имплицитно. Подразумевается, что каждая из трех книг (Красная, Зеленая, Желтая), т. е. каждый из трех противопоставленных мира, несет в себе конечную Истину и конечный смысл <...>. Каждый из этих миров – христианский, мусульманский или иудейский – изображен в изолированном контексте, он является закрытым, моноцентрическим и замкнутым на себе, онтологически стабильным. Это значит, что противопоставление книги потенциально свидетельствует о трех равноправных, но различающихся между собой “текстуальных” “метафизических” Истинах»²³. Множественность трактовок одних и тех же событий в «Хазарском словаре», по сути, выражает именно такое понимание смысла истории. История для Павича – способ показать субъективность человеческого знания, предложить несколько вариантов трактовок событий и таким образом выйти за рамки непосредственно описываемой эпохи на более общий уровень. *Выводы ко второй главе*, сделанные на основе произведенного анализа, суммируют наблюдения и подтверждают выдвинутый тезис о связи поэтики Павича с национальной литературной традицией. Все составляющие художественной структуры романа «Хазарский словарь» – специфика исторического дискурса, мотивика, фантастические элементы, нарративная стратегия – последовательно отражают авторскую концепцию литературного произведения, согласно которой движущей силой воссоздаваемой в нем истории является не событие, а слово, именно оно по-настоящему реально и способно взаимодействовать с читателем.

Третья глава «Роман “Внутренняя сторона ветра”» состоит из четырех параграфов и выводов. В основе структуры произведения лежит принцип сообщающихся сосудов

²³ Олах К. Книга-Бог. Београд: Институт за књижевност и уметност, 2012. С. 37.

клепсидры: оно состоит из двух на первый взгляд отдельных повестей «Леандр» и «Геро», соединяющихся в середине книги. В первом параграфе *«Архитектоника текста»* представлен подробный анализ композиции повестей и всего романа. Каждая повесть напечатана с одной из сторон книги, у бумажной версии две обложки, перевернутые друг относительно друга так, что повести соединяются только в середине книги, как сообщающиеся сосуды древних часов, и читатель может самостоятельно решить, с какой стороны начать чтение. Повести, сравнительно небольшие по объему (75 страниц занимает «Леандр» и 63 страницы – «Геро»), существенно различаются по структуре, характеру повествования и времени действия. Во втором параграфе *«Нарративная стратегия повестей»* рассматривается повествовательная парадигма каждой из них. В повести «Леандр» нарратив аукториальный, повествование ведется преимущественно от лица автора-повествователя, которому ведомы все душевные порывы героя, тогда как позиция других выражена с помощью прямой или косвенной речи. В повести «Геро» структура повествования принципиально иная, нарратив акториальный, на что обратила внимание Б.А. Панова: автор-повествователь присутствует главным образом в первой главе, рассказ во второй части ведется от лица самой героини и от лица Геро-автора; третья глава развивается от лица нового рассказчика, который делается участником описываемых событий и, «становясь одним из героев, занимает четкую позицию неведения по отношению к Манассии»²⁴. В третьем параграфе *«Специфика исторического дискурса»* рассматривается взаимодействие героев романа со временем (подпараграф 3.1) и мифом (подпараграф 3.2). Историческое время более четко обозначено в «мужской» повести, где приводятся даты, упоминаются реальные исторические события. В «женской» повести есть только одно

²⁴ Панова Б.А. Значение формы в романе Милорада Павича «Внутренняя сторона ветра» // Филология и литературоведение. 2012. № 10 [Электронный ресурс]. URL: <http://philology.snauka.ru/2012/10/343>. Дата обращения: 18.01.2020.

упоминание о конкретном историческом факте – сербско-австрийском конфликте, положившем начало Первой мировой войне. Оно присутствует во вставном «Рассказе о капитане фон Витковиче», который в определенном смысле является ключом к хронологии и нарративной структуре повести. Принцип использования исторических событий в качестве второго сюжетного плана, опробованный в «Хазарском словаре», в повестях «Леандр» и «Геро» применяется по-разному. Это связано, во-первых, с различием между изображенными эпохами с точки зрения их исторического наполнения и мировосприятия: религиозного, бытового, общественного, с тем, что более удаленные во времени события нуждаются в более подробном освещении; во-вторых, с разными гендерными ролями главных действующих лиц и разным влиянием на них исторических событий: герой-мужчина борется с историей, героиня-женщина к ней приспосабливается. Объединяет образы главных героев их «встроенность» в эпоху, обусловленность мотиваций и поведения спецификой исторического времени. Мифологический сюжет, лежащий в основе самой структуры романа, представлен на нескольких уровнях: в обеих повестях упоминается легенда о любви, центральные персонажи, а вслед за ними и повести, составляющие роман, названы именами ее мифологических персонажей. С формальной точки зрения писатель идет вслед за Овидием, который, перерабатывая миф, предложил матрицу «парных посланий»: в одноименном цикле Овидий создает два поэтических письма несчастных влюбленных («Леандр – Геро» и «Геро – Леандру»). Герои Павича также ведут диалог друг с другом опосредованно: через размышления о поэме Мусея, о жизни и смерти, через желание найти родственную душу. Трансформация исходного мифологического сюжета происходит через хронотоп времени: две повести о том, как влюбленные, разделенные эпохами, стремятся навстречу друг другу, объединены общими образами, мотивами, темами и печальным финалом. Смерть героев соединяет их поверх времени и пространства. Мифологический дискурс присутствует в романе эксплицитно. Предлагая новое прочтение античного мифа, Павич релятивизирует категорию времени: время в его интерпретации теряет свои очертания и становится стихией, сродни воде и ветру. Четвертый параграф

«*Мотивы*» представляет мотивную структуру романа. Мотив смерти (подпараграф 4.1) является в нем одним из ключевых: обмен смертями между главными героями, которые не могут встретиться при жизни, подтверждает их взаимосвязь и родство сердец, одновременно подчеркивая, что смерть сильнее времени и обстоятельств и что она может стать благом, новой возможностью, новым этапом бытия души, ведущим к слиянию женского и мужского начал. Новое развитие получает онирический ракурс (подпараграф 4.2). В повести «Леандр» сон неоднократно упоминается и как физиологический способ восстановления сил, и как портретная деталь, и как неотъемлемая часть потока жизни. Для Геро сон становится объектом изучения, она стремится систематизировать и анализировать образы и сюжеты из сновидений, которые воспринимает как особый вид странствия. *Выводы к третьей главе*, сделанные на основе произведенного анализа, суммируют наблюдения и подтверждают выдвинутый тезис о наличии в поэтике Павича устойчивых элементов. Авторский принцип исторического дискурса, при котором события прошлого служат одновременно фоном описываемого и объектом сотворчества, сохраняется. Две повести, перекликающиеся друг с другом на уровне метафор, мотивов, структурно объединены древнегреческим мифом, они создают особый литературный диптих, единство частей которого прослеживается как на формальном, так и на смысловом уровне.

Четвертая глава «Роман “Другое тело”» включает четыре параграфа и выводы. Главу открывает параграф «*Архитектоника текста*», содержащий краткую характеристику произведения: сюжет, композиция; затем рассматривается пространственно-временная организация романа (подпараграф 1.2). Как и в «Хазарском словаре», временные пласты здесь отделены друг от друга не только на уровне сюжета, но и на формальном уровне. «Исторические» главы во второй и четвертой частях повествуют о конкретных эпизодах из жизни исторического персонажа (Орфелина или Стефановича), которые хронологически следуют друг за другом. Взаимодействие автора с историей прослеживается в следующем параграфе «*Исторический дискурс*». Для «Другого

тела» характерны некоторые более выраженные черты постмодернистского текста – интертекстуальность, пастишизация, фабуляция. Воссоздавая прошлое, писатель соединяет достоверные факты с мистификацией и на основе их синтеза выдвигает свою версию события. В отличие от «Хазарского словаря», где реконструируется система верований исчезнувшего народа, в «Другом теле» упор сделан на христианскую концепцию. Герои, живущие в XXI в., дополняют известные христианские версии собственными теориями, сравнивают их с восточными учениями и эзотерическими системами. Это отражает положение в современном глобализованном мире, где человеку доступно много разрозненной информации, которая может как помочь в формировании индивидуального мнения, так и запутать. В подпараграфе 2.1. «Образы и персонажи» с учетом использования писателем автобиографических элементов рассматриваются четыре пары персонажей. Каждая из них – пара возлюбленных, которую можно воспринимать как определенную модель отношений между мужчиной и женщиной. Первую составляют автор-повествователь – персонаж, близкий писателю, и его жена Лиза Свифт, ее прототипом выступила супруга Павича Ясмينا Михайлович, которой посвящен роман. Союз этих героев основан на нежной дружбе, в то же время, это единство противоположностей, в столкновении которых может родиться истина. Вторая пара – Теодор и Лидия – бывшие одноклассники автора-повествователя: он торгует старинными заговорами, она изучает древние восточные практики. Это пример краткосрочных корыстных отношений, так как Лидии нужен заговор, с помощью которого она сможет провести обряд. Орфелин встречает красавицу домоправительницу Анну Поце в венецианском доме, снятом для него работодателем; она становится для Захарии проводником в мир магии и поисков другого тела. Последняя пара – Гавриил и Аксиния – олицетворяют в романе запретную любовь: священнослужитель поддается чарам молодой девушки, терзает себя, жаждет искупления. В каждой паре герой-мужчина так или иначе связан с миром литературы. Четыре персонажа (автор-повествователь, Лиза Свифт, Орфелин и Гавриил) имеют реальных прототипов,

четыре (Анна, Аксиния, Теодор и Лидия) – вымышленные. В подпараграфе 2.2. «Концепция “другого тела”» анализируется религиозно-философский вектор проблематики романа. Павич обращается к Библии, Никодимову евангелию, к буддизму, Зогару *, к трактатам немецкого христианского мистика конца XVI в. Якоба Бёме, которые метафорически освещают тему «другого тела», оставаясь при этом верен принципу мультипрочтения. Писатель предлагает несколько вариантов толкования заинтересовавшего его феномена и ответов на вопрос, существует ли помимо физической оболочки некая другая, в которой человек может быть явлен после смерти. У каждого персонажа складывается свое понимание «другого тела». Объединяет все варианты общий знаменатель: поиск «другого тела» есть попытка преодолеть страх смерти или даже саму смерть. Согласно авторской концепции, «другое тело», – это то лучшее, что есть в человеке, его добрые дела. Чистые душой могут заслужить второе рождение, пройти через реинкарнацию в момент ухода из земной жизни. И неважно, что именно поможет в этом, – религия, эзотерика, философия или магический ритуал. В третьем параграфе «*Мотивы как элементы художественной структуры*» определяется функция мотивов в романе: мотив сна становится дополнительным источником информации о «другом теле». Онирическая составляющая также формирует образ автора-повествователя: являющийся ему в снах дьявол приводит примеры неудачных попыток обретения «другого тела» теми, кто слишком сильно жаждал того, чего им не хватало в земной жизни. Мотив сна тесно связан с мотивом смерти: именно во сне Лиза получает предупреждение о близящейся смерти мужа и предполагает, что и у смерти может быть «другое тело». Пространство сна настолько отличается от жизни, что смерть над ним не властна, поэтому само посмертное существование может быть сродни сну. Мотивы сна и смерти постоянны. Герои Павича могут

* Книга Зогар (Сияния) – центральный труд по Каббале, скрытому учению иудаизма. По еврейской традиции, большая часть книги составлена великим учителем периода Мишны по имени раби Шимон бен Йохай (ок. II в. н.э.).

иметь как реалистичную, так и нереалистичную (онирическую и фантастическую) мотивацию, что способствует размыванию границы между истинным и вымышленным. Пространство сна, в котором нет ни времени, ни расстояний, ни языковых преград, а есть лишь чувственно осязаемый мир образов, можно назвать подсознанием романа: именно в этом пространстве автор оголяет тонкие связи между персонажами, едва заметные в романном «сознании». Смерть может стать как чьим-то вечным сном или местом встречи возлюбленных, так и переходом в новую сущность или же стать по-настоящему окончательной. Смерть у Павича имеет много воплощений, она пластична, как сон, и неизбежна, как течение времени. Четвертый параграф *«Гипертекст как нарративная стратегия»*, в котором рассматриваются непрямые цитаты из романа «Хазарский словарь», используемые автором в романе «Другое тело», служат подтверждением тезиса о гипертекстуальности павичевской прозы. *Выводы к четвертой главе*, сделанные на основе произведенного анализа, суммируют наблюдения и подтверждают выдвинутый тезис о гипертекстуальности как элементе поэтике Павича. Роман «Другое тело», обращенный к истории человеческой религиозной и философской мысли, направляет читателя на поиски истины внероманного текста (Библия, наследие Стефановича-Венцловича, кабалистические труды). По мнению А. Татаренко, это пост-постмодернистский роман²⁵, приглашающий читателя к созданию собственной энциклопедии по павичевской модели. С помощью новых, нетрадиционных, принципиально иных средств он «направляет читателя к прошлому, к истории литературы и культуры», «вносит “новое” в понимание гипертекста, создавая из него “другое тело” романа Гуттенберга»²⁶.

В **Заключении** подводятся итоги диссертационного исследования. Проведенный анализ романов М. Павича «Хазарский словарь», «Внутренняя сторона ветра» и «Другое

²⁵ Татаренко А. У потрази за «другим телом» романа: «Другое тело» М. Павича између књижевне археологије и ергодичких стратегија // Наслеђе. 2010. Год. 7. Бр. 16. С. 70.

²⁶ Ibidem.

тело» доказывает верность точки зрения П. Палавестры и позволяет отнести творчество сербского писателя к «критической литературе». На основе произведенного анализа автор диссертации приходит к выводу, что к имманентным и константным элементам поэтики Павича на уровне художественной структуры произведения относятся **опора на национальную культурную традицию, многовариантность трактовок и принцип соинтерпретации изображаемого, а также гипертекстуальность**. В отличие от «классического» постмодерниста, Павич не иронизирует над достижениями предшествующей ему литературы, как сербской, так и мировой, не отрицает их; на страницах своих произведений он цитирует классиков, перерабатывает античные сюжеты, уважительно копирует язык средневековых авторов, тем самым отдавая им дань. Все составляющие художественной структуры проанализированных романов – **архитектоника текста, специфика исторического дискурса, мотивика, фантастические элементы, нарративная стратегия – последовательно отражают авторскую концепцию литературного произведения, согласно которой движущей силой воссоздаваемого в нем сюжета является не историческое событие, а слово, только оно реально и способно взаимодействовать с читателем.**

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

**Статьи,
опубликованные в рецензируемых журналах,
рекомендованных ВАК:**

1. Образы Кирилла и Мефодия в романе М. Павича «Хазарский словарь» // Славянский альманах. М. 2011. С. 329–339.
2. Параисторические образы в романе Милорада Павича «Хазарский словарь» // Славяноведение. М., 2013. № 4. С. 87–95.
3. Философские основы романа М. Павича «Хазарский словарь» // Славянский альманах, № 1–2, 2014. С. 361–365.

4. Барочные мотивы в романной прозе М. Павича // Славяноведение. М., 2020. № 3. С. 118–124.

Другие публикации:

1. Читать Павича – обманываться и верить // Иностранная литература, М., 2013. № 4. С. 171–175

2. Интертекстуальность в романе М. Павича «Бумажный театр» // Славянский мир: общность и многообразие: тезисы молодежной научной конференции в рамках Дней славянской письменности и культуры. Москва, 20–21 мая 2014. М., 2014. С. 20.

3. Русские мотивы в творчестве М. Павича // Россия и русский человек в восприятии славянских народов. М., 2014. С. 525–531.

4. Миф о Геро и Леандре в романе М. Павича «Внутренняя сторона ветра» // Славянский мир: Общность и многообразие. Москва, 26–27 мая 2015. М., 2015. С. 32–33.

5. М. Павич: от любви до ненависти (литературная репутация) // Международная научная конференция III Хоревские чтения 20–22 ноября 2019 г., Международная научная конференция III Хоревские чтения 20–22 ноября 2019 г. <https://inslav.ru/conference/20-22-noyabrya-2019-g-mezhdunarodnaya-nauchnaya-konferenciya-iii-horevskie-chteniya-20-22>.